

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Оу М., Евлампиев И.И. — Америка и Швейцария на метафизической карте Ф.М. Достоевского // Философия и культура. – 2023. – № 6. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.6.40784 EDN: IJGOAB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40784

Америка и Швейцария на метафизической карте Ф.М. Достоевского

Оу Мэнлянь

кандидат философских наук

аспирант, кафедра Культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет

190121, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. Халтурина, 15, кв. 211

□ omenglian@gmail.com

Евлампиев Игорь Иванович

кандидат философских наук

профессор, кафедра русской философии и культуры, Санкт-Петербургский государственный университет

190121, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 5, оф. 145

□ yevlampiev@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2023.6.40784

EDN:

IJGOAB

Дата направления статьи в редакцию:

18-05-2023

Аннотация: В творчестве Ф.М. Достоевского присутствуют образы двух противоположных форм организации общественного пространства – Америка и Швейцария. В статье рассматриваются символические смыслы, которые имеют эти два образа в произведениях Ф.М. Достоевского, их взаимоотношения и позиции на метафизической карте Ф.М. Достоевского. Первое из них представляет бесплодность цивилизации, построенную на научном разуме; второе рассматривается как духовное существование, основанное на чисто природной красоте. Сопоставляя пространства, олицетворенные этими двумя государствами, мы можем увидеть картину окончательного синтетического пространства метафизического мира Ф.М. Достоевского. Показано, что

смыслы этих двух образов взаимосвязаны и составляют диалектическое противоречие, причем каждый образ в свою очередь имеет два противоречивых смысла – положительный и отрицательный. Америка выступает, с одной стороны, символом открытости и свободы человека, его стремления к построению будущего своими силами, но, с другой стороны, она выражает тупиковый путь развития, опирающийся только на материальные ценности. Швейцария воплощает идеал духовного развития, который составляет внутреннюю сущность европейской цивилизации, однако одновременно она символизирует патриархальное, безгрешное состояние человека, которое не соответствует реальной земной жизни. Швейцария – это идеал райского состояния земного человека, однако этот идеал невозможен в реальной жизни. Наиболее наглядно трагедия невоплотимости этого идеала продемонстрирована Достоевским через историю князя Мышкина в романе «Идиот».

Ключевые слова:

Америка, Швейцария, Достоевский, философское мировоззрение, материальное развитие общества, духовное развитие общества, метафизическая карта, пространство общества, Идиот, развитие государства

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00272 «С.Н. Булгаков: pro et contra. Творчество С.Н. Булгакова в историческом и современном контекстах».

Постановка проблемы

«–В Америке вы переменили ваши мысли и, возвратясь в Швейцарию, хотели отказаться» [\[3, с. 192\]](#).

Фраза Ставрогина очень хорошо обозначает заявленную тему. В этих словах Ставрогин описывает эволюцию мировоззрения Шатова. Америку и Швейцарию можно назвать двумя переломными этапами в развитии мысли героя, что заставляет нас размышлять о соотношении тех смыслов, которые с ними связаны. Как известно, в творчестве Достоевского представлены образы многих географических мест и пространств, таких как Москва, Санкт-Петербург, Швейцария, Китай, Япония и т.д. По словам К.А. Степаняна, «это всё у Достоевского не просто географические понятия, но философские и культурологические смыслы» [\[16, с. 266\]](#). В художественном мире Достоевского разные географические места и пространства обретают значение альтернативных точек зрения на ключевые проблемы человеческого существования и хода истории. Поэтому особенно важно дать систематические определения смысла разных географических пространств, это даст нам своеобразную метафизическую карту Достоевского.

Америка и Швейцария представляют собой два наиболее заметных и часто появляющихся географических образа, имеющих очень важные значения. Об этом написано немало работ. Наиболее глубоко и точно смысл образа Швейцарии выразил К.А. Степанян: «Швейцария для Достоевского – это место, наиболее волнующее душу и разум мыслями о земном рае и возможностях его достижения, и одновременно это символ многовекового заблуждения людей, самостоятельно решивших, что они добры и свободны настолько, чтобы построить этот рай (для себя или для многих) своими силами» [\[16, с. 279\]](#). Обратим внимание на тот факт, что исследователь видит в этом образе не только положительный, но и определенный отрицательный смысл, причем эти

противоположные смысловые аспекты внутренне связаны.

Осмысливая образ Америки у Достоевского, Т.В. Коротченко писал: «...в художественных произведениях Достоевского Америка предстает не столько о географическим пространством <...>, где можно начать новую жизнь, сколько символом идеи о лучшей жизни, охватившей общество, маркером состояния одиночества и потерянности героя» [\[12, с. 249\]](#). В этом своем смысловом аспекте образ Америки выглядит вполне положительным, однако достаточно известно еще одно вполне очевидное метафорическое значение этого образа: Америка — это метафора ада, потустороннего существования человека; здесь образ предстает своей отрицательной, устрашающей стороной.

Двусмысленность каждого из этих образов делает особенно трудной их однозначную оценку и определение их роли в произведениях Достоевского. Однако ситуация существенно проясняется, если мы заметим, что эти образы активно взаимодействуют и образуют диалектическую пару, в связи с чем наиболее убедительно можно определить смысл каждого именно в его отношении к другому. Что-то глубинное сближает в пространстве творчества Достоевского Америку и Швейцарию, которые могут рассматриваться как два полюса универсума Достоевского, как две стороны его утопии. Можно предположить, что их очевидная противоположность тем не менее разрешается в некую общность, имеющую принципиальный метафизический характер.

Два смысла образа Америки

Упоминания Америки в основном возникают в работах Достоевского 1860–1870 гг., прежде всего в романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы». Романы «Преступление и наказание» и «Идиот» ярко контрастируют между собой: в первом сюжет основан на жестоком преступлении; второй повествует о явлении доброго князя, воплощающего идеал любовных отношений между людьми, который заповедовал нам Христос. И совершенно не случайно, что в первом из них Америка становится наиболее часто упоминаемым местом, а во втором упоминания Швейцарии превосходят по количеству отсылки к Америке [\[13, 14\]](#).

В романе «Преступление и наказание» Америка прежде всего появляется как место, куда можно убежать от наказания. Совершив убийство, Раскольников погрузился в бессознательность и бред. Когда он пришел в сознание, первая мысль была сбежать в Америку. Размышляя о судьбе своей сестры, Раскольников считает, что Дуне лучше стать рабой на плантации (в Америке), чем выйти замуж за Лужина ради выгоды [\[8, с. 37\]](#). Наконец, Свидригайловым овладела мысль поехать в Америку после того, как он окончательно понял, что его любовь к Дуне подла и безответна. Очевидно, что во всех этих случаях Америка оказывается последней возможностью избежать какой-то жизненной катастрофы, к ней прибегают в ситуации безысходности [\[10\]](#). Америка – это радикальный альтернативный выбор, на ее территории перестают действовать и законы права, и законы морали, здесь можно оставить в стороне укоры совести, окончательно отодвинуть все пережитые трагедии в прошлое и начать жизнь как бы с начала.

Американские ценности – либерализм, индивидуализм и безграничная свобода, приобретают огромный символический смысл для русских. В них видят воплощение нового миропорядка, освобожденного от насилия, эксплуатации и зла. Особенно в 1860–1870-х гг. Россия и Америка имеют немало связей. Аналогия между рабством и крепостничеством часто проводилась русскими журналами в это время, в них внимательно отслеживался ход гражданской войны между Севером и Югом. Тогда среди

русских идея эмиграции в Америку была очень популярна. «В это время эмиграция в Америку, – отметил в «Истории моего современника» В.Г. Короленко, – влекла многих русских, мечтавших об американской свободе и о коммунистических опытах» с[11, с. 178]. Ведь тогда в России идея об устройстве различных ассоциаций и коммун была неосуществима из-за реакционной политики царского правительства.

Достоевский более трезво и осторожно относится к Америке. Хотя многих героев Достоевского неудержимо туда тянуло, он видит в этом устремлении симптом значительных проблем русского общества, ведь между американским и русским духом писатель видел существенное противоречие. В «Дневнике писателя» за 1873 г. он выразил свое понимание причин бегства в Америку гимназистов, окрыленных великими идеями о «свободном труде в свободном государстве», о коммуне и об общеевропейском человеке: «Но пока еще кругом нас такой туман фальшивых идей, столько миражей и предрассудков окружает еще и нас и молодежь нашу, а вся общественная жизнь наша, жизнь отцов и матерей этой молодежи, принимает все более и более такой странный вид, что поневоле приискиваешь иногда всевозможные средства, чтобы выйти из недоумения. Одно из таких средств – самим быть менее бессердечными, не стыдиться хоть иногда, что вас кто-нибудь назовет гражданином, и.... хоть иногда сказать правду, если б даже она была и недостаточно, по-вашему, либеральна» с[4, с. 136]. По мнению Достоевского, хорошо и понятно, что русским хочется развиваться, искать свою веру, и куда-то «рваться», но часто это сопряжено с отсутствием ясного представления о цели и смысле своих устремлений. В этом контексте герои Достоевского и он сам в публицистических размышлениях «Дневника писателя» часто вспоминают факт открытия Европой Америки как реализацию заветного стремления европейской цивилизации к идеалу, к абсолютному воплощению свободы и творческого дерзани я отдельной личности. Но наиболее простой и естественный ответ, который дает этим исканиям Америка, оказывается обманом, иллюзией. Все главные ценности нашей жизни – свобода, независимость, индивидуальность, творчество – духовны и сложны по своей сущности, а в Америке они приобретают предельно простое, внешнее, материальное выражение. Главным смыслом Америки для думающих героев Достоевского становится предостережение против ложного пути цивилизации, против простых и слишком рациональных ответов на сложные вопросы нашего бытия.

Предельно наглядно негативное отношение Достоевского к Америке как слишком материальному и рациональному пространству, не дающему разрешения тем глубоким исканиям свободы и идеала, которые одолевают думающих людей, проявляется в романе «Преступление и наказание» во время одного из разговоров Раскольникова со следователем Порфирием Петровичем. Америка привлекает к себе Раскольникова, живущего в комнате, подобной гробу, и часто ощущающего духоту – и в прямом, и в переносном смысле, как отсутствие свободы и возможностей для реализации своих внутренних потенций. После совершения убийства это ощущение «духоты», нехватки воздуха (т.е. свободы) усиливается, и Раскольников, пытаясь найти выход, думает об Америке. О бегстве в Америку ему и его сестре Дуне говорит также Свидригайлов. Но следователь разбивает его мечты об Америке, указывая, что в Америке не будет «воздуха». Проникая в заветные мысли Раскольникова, Порфирий Петрович восклицает: «Вам теперь воздуху надо, воздуху!» с[8, с. 351]. Но одновременно отвергает возможность того, что этот «воздух» Раскольников сможет найти, убежав в Америку: «А вы ведь вашей теории уж больше не верите, -- с чем же вы убежите? Да и чего вам в бегах? В бегах гадко и трудно, а вам прежде всего надо жизни и положени я определенного, воздуху соответственного; ну а ваш ли там воздух?» с[8, с. 352].

Слова Порфирия подразумевают, что имеется в виду «воздух», необходимый не просто для продолжения телесного существования, а для внутренней, духовной жизни героя. В качестве реального выхода для Раскольникова, противоположного ложному выходу, который обозначает Америка, Порфирий Петрович предлагает каторгу: «страдание, Родион Романович, великая вещь <...>, в страдании есть идея» [\[8, с. 352\]](#). Парадоксальным образом именно на каторге Раскольников может обрести нужный ему «воздух», т. е. подлинную духовную свободу, связанную с глубокой религиозной верой. Чисто внешняя, материальная свобода, никак не связанная с верой и даже отрицающая ее как некое «принуждение», становится бессмысленной. Об этом говорит Шатов, ссылаясь на слова Ставрогина: «Атеист не может быть русским, атеист тотчас же перестает быть русским» [\[3, с. 197\]](#). Утопический социализм, ранняя мечта самого Достоевского и героев его романов, ведет к атеизму, поэтому американская свобода и коммунистические опыты не имеют положительного смысла. Хотя сам атеизм в творчестве Достоевского имеет два значения. Американский атеизм – это полное отрицание веры и полное безразличие к вопросу о Боге и бессмертии, это духовная пустыня, в которой думающий, глубокий человек гибнет. Но есть русский атеизм, который означает отрицание формальной, «холодной» веры и искание иной, более глубокой и искренней веры. Вот почему герои у Достоевского (особенно много их в «Бесах»: Шатов, Кириллов, Ставрогин) верят в Бога, и одновременно сомневаются в Боге: «...русскому человеку трудно из своей позиции решить, что ему нужнее: отчаянная вера в Бога или столь же отчаянный бунт против Него» [\[18, с. 704\]](#). Неразличение этих двух понятий атеизма ведет к прямолинейным оценкам таких сложных героев Достоевского, как Иван Карамазов; наглядный пример такой ошибки демонстрируют работы С.Н. Булгакова, который превращает одного из самых сложных героев-идеологов Достоевского, выражающего очень важные особенности мировоззрения самого писателя, в однозначно негативную фигуру, не имеющую внутренней идейной глубины [\[2\]](#).

Образ Америки и нужен был Достоевскому для размышления о разных формах отрицания веры (атеизма) и социального утопизма (социализма), она выступает в качестве негативного «идеала» чисто материальной жизни, жизни в «духовной пустыне», не дающей ни единой возможности обрести веру и подлинную жизнь. Героям, которые реально побывали в Америке, Шатову и Кириллову, не удалось найти там свою веру, и они в конце вернулись в Россию, где их искания могли стать более плодотворными, хотя и трагичными. Кроме них никто в произведениях Достоевского не поехал в Америку: Свидригайлов выбрал самоубийство, а Раскольников признал свое преступление и был сослан в Сибирь. Это показывает, что мысль о поездке в Америку является минутным порывом, который только более ясно обозначает жизненный тупик и стимулирует человека на поиски настоящего, а не мнимого выхода.

Е.М. Сударева справедливо заметила, что «странным образом двойится образ Америки в духовном пространстве романа Достоевского. Это и символ ухода от наказания, освобождение от нравственной расплаты за содеянное, и в то же время символ смерти, самоубийства, безбожной расплаты с самим собой изверившегося человека» [\[17\]](#). Особенно ясно эта двойственность смыслов образа Америки проявляется в истории Свидригайлова. Намереваясь поехать в Америку, а не Швейцарию, он понимает, что, как богатый человек, он именно в Америке сможет в полной мере реализовать своё преимущество и свое материальное господство над людьми. Но в конце концов он не уезжает в Америку, а кончает с собой. Его самоубийство можно понять как осознание греховности пути поверхностного материального благополучия, на который он попытался

встать. Но перед смертью он снова говорит, что отправляется «в чужие края. <...> В Америку» с [\[8, с. 394\]](#), и здесь этот образ уже намекает на потусторонний мир, на ад в том особом его понимании, которое характерно для Свидригайлова.

В первой беседе с Раскольниковым Свидригайлов излагает свою версию идеи бессмертия, согласно которой умершие люди не возносятся в Царствие Небесное, как утверждает церковное учение, а продолжают свое несовершенное бытие в некоем параллельном мире, взаимодействующим с нашим миром, поэтому они могут «проявляться» в нашем мире в виде привидений. Затем он говорит и о «вечности», т.е. о всей потусторонней, посмертной реальности, и представляет ее в образе маленькой деревенской бани с пауками по углам с [\[8, с. 221\]](#). В обоих случаях между земной и потусторонней действительностью нет принципиального различия, вторая является некоей разновидностью или трансформацией первой. Если человек в своей земной жизни оказался в полной власти природных законов, почти полностью лишил свое существование духовного, т.е. подлинно человеческого и подлиннобожественного, измерения, то его посмертное бытие должно быть столь же материальным, механическим и рационально-закономерным, как и нынешнее с [\[9, с. 435–490\]](#). Такой вариант бессмертия является точным воплощением идеи вечного возвращения того же самого, которая вызвала такой ужас у Заратустры, героя трактата Ф.Ницше, что он упал без сознания и был близок к смерти в течение десяти дней. Именно этот жуткий смысл идеи бессмертия, как бесконечного повторения одной и той же механически выстроенной жизни, олицетворяет Америка в представлениях Свидригайлова. Этот второй смысл образа вполне логично развивает его первый смысл как ложного идеала жизни человека и человечества.

Швейцария: рай, из которого нужно уйти

Образ Швейцарии играет особенно большую роль в романе «Идиот», и, на первый взгляд, обладает исключительно положительными смыслами. Он явно означает начало высшего добра, которое отражается в образе князя Мышкина, долго пребывавшего в Швейцарии на лечении. Его тело пребывало там в органическом единстве с природой, а дух соприкасался с небесным, божественным миром.

Здесь важно отметить, что в Швейцарии жизнь Мышкина делилась на два очень разных периода. В первом он был лишен обычного человеческого разума и был «почти идиотом». При этом он ощущал чуждость всему тому миру, в котором существовал. Это можно рассматривать как метафору божественного происхождения героя. Исходно он был абсолютно слит с божественным, духовным миром, был подобен Адаму и Еве в их райском состоянии, когда они не имели необходимости в человеческом рассудке, поскольку, находясь в полном единстве с Богом, не нуждались в познании ни своего, ни какого-то иного бытия. Швейцария выступает в этом контексте как обозначение земного мира, в который герой попадает из рая, который первоначально выступает для него как чужой, но в котором он должен освоиться и который он должен познать. Поэтому главное событие, с которого начинается земная история Мышкина, – это пробуждение его сознания: он, как Адам и Ева, встает на путь познания себя и мира. Этот момент князь Мышкин хорошо помнит и описывает его в первом разговоре с сестрами Епанчиными: «Помню: грусть во мне была нестерпимая; мне даже хотелось плакать; я всё удивлялся и беспокоился: ужасно на меня подействовало, что всё это чужое; это я понял. Чужое меня убивало. Совершенно пробудился я от этого мрака, помню я, вечером, в Базеле, при въезде в Швейцарию, и меня разбудил крик осла на городском рынке. Осел ужасно поразил меня и необыкновенно почему-то мне понравился, а с тем

вместе вдруг в моей голове как бы всё прояснело с [\[7, с. 48\]](#).

Но путь познания труден и долог, поэтому Мышкин снова и снова переживает острое чувство, которое преследовало его с самого начала – ощущение своей чуждости всей земной, тварной природе: «Пред ним было блестящее небо, вниз у озеро, кругом горизонт светлый и бесконечный, которому конца-края нет. Он долго смотрел и терзался. Ему вспомнилось теперь, как простирал он руки свои в эту светлую, бесконечную синеву и плакал. Мучило его то, что всему этому он совсем чужой. Что же это за пир, что ж это за всегдашний великий праздник, которому нет конца и к которому тянет его давно, всегда, с самого детства, и к которому он никак не может пристать» [\[7, с. 351\]](#). И тем не менее само это чувство несло в себе доказательство того, что мир, в котором он оказался, причастен Богу и высшим духовным смыслам, в нем для человека возможно возвращение в райское состояние. Это Мышкин позже наглядно продемонстрирует в истории отношений с девушкой Мари и детьми. В этом смысле, можно сказать, что Швейцария со всей своей прекрасной природой становится местом, символизирующим духовное пространство, содержащее изначальное добро человека и предполагающее возможность полной реализации этого добра.

Если на примере Америки Достоевский размышляет об отношениях между человеком и цивилизацией, опирающейся на материальные ценности, то через Швейцарию Достоевский обратился к отношениям между человеком и природой, рождающей человека и близкой к райскому, духовному миру. В рукописном фрагменте «Социализм и христианство» (1864) Достоевский разделяет историческое развитие человечества на три стадии [\[5, с. 191-194\]](#). Первая стадия характеризуется слитным существованием всех людей в едином человечестве и единством человечества и природы, однако это единство писатель обозначает термином «патриархальность» и оценивает негативно, поскольку оно принудительно и не оставляет человеку выбора и свободы. Поэтому человечество должно пройти вторую стадию, обозначаемую в указанном фрагменте как «цивилизация»; здесь происходит распадение исходного единства и обособление личностей с их свободой. Хотя этот процесс является необходимым и в целом положительным, его итоги Достоевский оценивает отрицательно, поскольку здесь происходит полная утрата единства и, значит, связи с Богом. Америка и является воплощением всего негативного и отрицательного в материальной цивилизации. А что выражает Швейцария? Ее первобытная и прекрасная природа олицетворяет исходное божественное единство мира, одновременно она выражает возможность «падшего» человека заново выстроить гармонические отношения внутри общества и по отношению к природе, поэтому здесь можно видеть символ и первой стадии, «патриархальности», и путь к третьей стадии, быть может, даже в обход цивилизационной стадии. Это чувство близкой райской гармонии посещает князя Мышкина перед водопадом: «Вот тут-то, бывало, и зовет всё куда-то, и мне всё казалось, что если пойти всё прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильнее и шумней, чем у нас <...>» [\[7, с. 51\]](#).

Горный пейзаж, естественно, вызывает у князя Мышкин стремление к возвышенности. Однако сам Достоевский глубоко понял сложность достижения третьей стадии. Он не был вполне согласен с теорией об изначальной доброте и непорочности природы человека, как это считал Руссо. Просто слиться с первозданной природой, скрывающей в себе божественное совершенство, Достоевскому и его герою недостаточно. Князь Мышкин признает это стремление обманчивым, не реализующим высшие цели человеческой

жизни. Возвышенное духовное пространство, божественное совершенство нужно реализовать в земном человеческом мире. Но в человеческом мире действует не только сила добра, но и сила зла. Швейцария олицетворяет собой первозданную природу и первозданного человека, который еще не ощущает в себе силу зла, не понимает его могущества. Именно поэтому здесь можно достаточно легко достичь возвращения к состоянию божественного совершенства, что Мышкин и демонстрирует на примере общества детей, которое он легко переводит в «райское» состояние. Но за пределами Швейцарии жизнь людей идет по-другому, в ней скорее господствует зло, чем добро. Поэтому, приехав в Санкт-Петербург, князь Мышкин ставит очень опасный эксперимент, пытаясь спасти несчастных людей и преобразовывать их отношения к совершенству теми же методами, которые были так плодотворны в Швейцарии. К сожалению, теперь, в ситуации по-настоящему раскрепощенного зла, они оказываются не столь действенными, более того, то сострадание и та любовь, которые были спасительны в Швейцарии, в Петербурге превращаются в свою противоположность; Мышкин губит любящих его женщин, хотя в отношениях с ними он действует точно так же, как он это делал в отношении обещанной швейцарской девушки Мари. В результате, он вынужден признать свою вину в произошедшей с Аглаей Епанчиной и Настасьей Филипповной катастрофе; Евгений Павлович упрекает его по этому поводу: «Виноваты, а сами упорствуете! И где у вас сердце было тогда, ваше «христианское»-то сердце!» с [\[7, с. 483\]](#). Действительно, князь Мышкин не Христос, у него лишь «христианское сердце», которое было способно принести гармонию людям в Швейцарии, обладающей патриархальной невинностью, не знающей всей силы зла. Но за пределами Швейцарии оно оказалось бессильным, здесь зло в полной мере раскрыло себя, причем граница между добром и злом оказалась размытой, что не позволило князю осуществить свои нравственные принципы в соответствии с логикой первобытной и наивной природы.

Таким образом, наивно-патриархальная гармония человека и природы, гармония человека, не раскрывшего в себе всю свою сущность, т. е. всю глубину добра и зла, не гарантирует совершенное добро. Только в контексте окончательного раскрытия зла и добра, в равноправном сосуществовании духовного и материального пространств, которые составляют наш мир, Бог и вера имеют свои истинные смыслы. Недаром итальянский богослов и литературовед Д. Барсотти при анализе романа «Идиот» вспомнил о Руссо: «Если князь Мышкин и походит на Христа, то не на Христа Евангелия и не на Христа Церкви, а, скорее, на такого, каким Его знал и проповедовал Руссо, Христа безжизненного, ни Бога, ни человека» с [\[1, с. 131\]](#).

Метафизическая география Достоевского

В мире Достоевского есть своя иерархия мест и пространства, которая постепенно раскрывается и по-разному реализует себя в разных контекстах. Достоевский создает свою метафизическую географическую карту, где полярные начала зла и добра, материального и духовного намечаются с помощью Америки и Швейцарии. Но это еще неокончательная система Достоевского. «Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послужить. И всё это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, всё это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия... помните мое слово, сами увидите!» с [\[7, с. 510\]](#). Слова Лизаветы Прокофьевны и использованное ею слово «фантазии» намекают на то, что Америка и Швейцария, как два полюса Европы, являются «потусторонним», фантастическим миром по отношению к подлинно реальному миру России. Ни Америка, ни Швейцария не могут решить проблемы, возникающие на почве России. Они рассматриваются лишь как две крайности божественности и греховности, как рай и ад.

Обратив внимание на Америку и Швейцарию, Достоевский ничуть не поколебал своей уверенности в том, что русской дух должен найти свой собственный национальный путь, который, возможно, со временем станет путем в благое будущее для всей цивилизации. Своеобразие Америки заключается в том, что она когда-то явилась новым открытым миром, представляющим плодотворные возможности развития цивилизации. Открытие Америки, вместе с Реформацией и астрономическими открытиями стало основой идеи прогресса в истории. В этой связи Америка не только свидетельствует о пути материального развития человечества, но и дает богатую пищу человеческой мысли в ее исканиях пути в будущее. Швейцария, по мнению Достоевского, является воплощением высшего идеала Европы. Он очень рано мечтал поехать в Швейцарию, как признается в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «...еще с шестнадцати лет, и пресерьезно, как Белопяткин у Некрасова, Бежать хотел в Швейцарию, – но не бежал, и вот теперь и я въезжаю наконец в “страну святых чудес”, в страну таких долгих томлений и ожиданий моих, таких упорных моих верований» [с \[6, с. 51\]](#). Швейцария, как и вся Европа, обозначается Достоевским термином «страна святых чудес», как реализация всего самого ценного в европейской цивилизации. Таким образом, Америка и Швейцария очень ясно определены как своего рода чистые принципы, определяющие ход истории, развитие цивилизации. И не случайно именно в заданных ими координатах Достоевский определяет место и роль России в истории и ее своеобразный путь развития, особенно наглядно это соотношение выступает в романе «Бесы», где «Америка» и «Швейцария» являются в равной степени принципиальными понятиями.

В «Бесах» Америка упоминается как принципиальный пункт спора между консерваторами и либералами, как магическое место обретения истинного себя, как загадка, от правильной разгадки которой зависит твоя судьба. Степан Трофимович вспоминает, как он читал лекции об открытии Америки и ее истории; его влияние на Лизавету Николаевну оказывается таким сильным, что она грезит о своей «Америке» и во сне кричит: «Земля, земля!» [с \[3, с. 87\]](#)

Шатов и Кириллов едут в Америку под влиянием Ставрогина, чтобы обрести свою окончательную веру. Туда они стремились чтобы проверить свои новые идеи. Кириллов «в Америке себе належал» [с \[3, с. 111\]](#), а Шатов в Америке переменял свои мысли [с \[3, с. 192\]](#), в результате, они испытали радикальное преобразование своего мировоззрения. Хотя Америка вызвала эту переоценку ценностей, герои после возвращения в Россию очень критично относятся и к Америке, и к своему прежнему учителю Ставрогину. Их спор со Ставрогиным обретает новый и окончательный смысл, в нем постепенно раскрывается вся глубина устремлений русского духа. Шатов иронически говорит о превосходстве американцев над русскими: «мы, русские, перед американцами маленькие ребятки, и нужно родиться в Америке или по крайней мере сжиться долгими годами с американцами, чтобы стать с ними в уровень» [с \[3, с. 112\]](#). Он как бы смеется над Россией, однако на деле его цель не в высмеивании, а в предупреждении. Америка очень плодотворно прошла свой путь материального, научно-рационального прогресса, но этот путь рано или поздно приведет ее к катастрофе и гибели. России важно не повторить этот путь. Позже в споре со Ставрогиным Шатов выразит свою окончательную мысль о сущности бытия России: «Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание Бога, Бога своего непременно собственного, и вера в Него как в единого истинного» [с \[3, с. 198\]](#).

Америка разбила мечту Шатова и Кирилла о свободе и политической утопии, а в Швейцарии они заново нашли свою веру и волю, осознав величие того духовного

идеала, который сумела реализовать Европа, хотя при этом она и не дошла до подлинной истины и подлинного «рая». Восстановив свою веру, они приобрели силы и мужество вернуться в Россию, чтобы противостоять хаосу общественного настроения и кризису веры. Через постижение «Америки» и «Швейцарии» они получили способность понять Россию, которая основана на гораздо более сложных и противоречивых основаниях, чем эти однозначные и понятные формы цивилизации. Россия основана на сложном взаимодействии духовного и материального, доброго и злого, божественного и дьявольского, но именно поэтому она гораздо более «живая» и более свидетельствует о будущем, чем эти односторонние формы.

Осознав свои ошибки и вставая на путь покаяния и принятия наказания, Ставрогин намеревается ехать в Швейцарию, в кантон Ури, чтобы попробовать возродить в себе нравственные силы и стремление к добру. Здесь уместно вспомнить, что кантон Ури появляется и в словах Мышкина, когда он комментирует увиденную им гравюру, изображающую прекрасный швейцарский пейзаж [с \[7, с. 25\]](#). Это можно понять как попытку Ставрогина из последних сил обрести свой «рай» (в письме к Дарье Павловне, предлагая ей пойти к нему в «сиделки», он пишет, что они будут «там жить вечно» [с \[3, с. 513\]](#)). Но «рай» ему обрести уже не суждено, и он остается в России, более того, приезжает в дом своего детства, чтобы покончить с собой. В последней сцене, когда Ставрогина обнаруживают на чердаке дома Варвары Петровны, он назван повествователем «гражданином кантона Ури». На столе лежит его записка: «Никого не винить, я сам» [с \[3, с. 516\]](#). Швейцария оказывается для Ставрогина не столько местом духовного очищения, сколько формой окончательного раскаяния и принятия наказания от себя самого.

В конечном счете Достоевский создает образы «Швейцарии» и «Америки», чтобы показать, что Бога можно обрести не в каком-то чужом месте, а только на родине. Но приближение к нему требует предельных усилий от каждого человека. И как былинные богатыри и сказочные герои часто должны были совершить долгие путешествия в заморские страны, чтобы наконец по-настоящему обрести свою родину и себя самих в ней, так и герои Достоевского познают Россию и себя через испытание Америкой, Швейцарией и Европой. Именно этот смысл имеют хаотичные, не очень понятные, но предельно искренние слова князя Мышкина на светском вечере по поводу его помолвки с Аглаей: «Откройте жаждущим и воспаленным Колумбовым спутникам берег Нового Света, откройте русскому человеку русский Свет, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое от него в земле! Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским Богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий вырастет пред изумленным миром, изумленным и испуганным, потому что они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия, потому что они представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства. И это до сих пор, и это чем дальше, тем больше! И...» [с \[7, с. 453\]](#). Русские «богатыри» пока еще увлечены зарубежными красотами и верят в чужих богов больше, чем в своего Бога и в свою родину, но Достоевский убежден, что пришло уже время вернуться назад и обрести свою окончательную веру.

Библиография

1. Барсотти Д. Достоевский. Христос – страсть жизни. М.: Паолине, 1999. 249 с.
2. Булгаков С.Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Булгаков С.Н. Соч. В 2 т. М.: Наука, 1993. С. 15–45.

3. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л.: Наука, 1974. 520 с.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1873 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр.соч. в 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. С. 5–136.
5. Достоевский Ф.М. Заметки публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860–1865 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 20. Л.: Наука, 1980. С. 152–205.
6. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 46–98.
7. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. Л.: Наука, 1973. 512 с. 8.
8. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 424 с.
9. Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братья Карамазовым»). М.: Изд-во РХГА, 2012. 585 с.
10. Кадушина О.И. Поэтика художественного пространства романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: к вопросу об изучении // Актуальные проблемы филологии. 2018. № 16. С. 69–79.
11. Короленко В.Г. История моего современника // Короленко В.Г. Собр. соч. в 10 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1955. 455 с.
12. Коротченко Т.В. Образ Америки в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 65. С. 243–259.
13. Кубанев Н.А. Взаимоотношения России и Америки: культурно-исторический аспект // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2018. № 4 (28). С.88–93.
14. Куропятник Г.П. Русские в Америке: общественные, культурные, контакты в 1870-х годах // Новая и новейшая история. 1981. № 4. С. 143–157; № 5. С. 136–148.
15. Сараскина Л.И. Америка как миф и утопия в творчестве Достоевского // Журнал о русской литературе и культуре. 2008. № 1. С. 36–48.
16. Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. М.: Крига, 2010. 400 с.
17. Сударева Е.М. Европа и Америка в романе «Преступление и наказание» // День литературы. URL: <https://denliteraturi.ru/article/3709> (дата обращения: 10.02.2022).
18. Эпштейн М.Н. Из Америки. М.: У-Фактория, 2005. 704 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Америка и Швейцария на метафизической карте Ф.М. Достоевского», в которой проведено исследование символических образов данных стран в произведениях великого русского писателя. Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что в творчестве Достоевского представлены образы многих географических мест и пространств, таких как Москва, Санкт–Петербург, Швейцария, Китай, Япония, наделяемые писателем философским и культурологическим значением. Как считает автор, в художественном мире Достоевского разные географические места и пространства обретают значение альтернативных точек

зрения на ключевые проблемы человеческого существования и хода истории.

К сожалению, автором не представлен материал по актуальности исследуемой проблематики. В работе отсутствует также и анализ научной обоснованности изучаемой темы, что делает затруднительным вывод о научной новизне исследования. Методологическую базу исследования составили философский, компаративный и художественный анализ. Теоретической основой исследования выступают работы таких искусствоведов и философов как Коротченко Т.В., Степанян К.А., Сударева Е.М., Булгаков С.Н. и др. Эмпирическую базу исследования составили произведения Ф.М. Достоевского.

Соответственно, цель данного исследования заключается в изучении определения символического смысла разных географических пространств и создании метафизической карты Достоевского. Предметом исследования являются образы Америки и Швейцарии в произведения писателя. Автором исследована своеобразная метафизическая географическая карта, где полярные начала зла и добра, материального и духовного намечаются с помощью Америки и Швейцарии.

Для достижения цели автор проводит художественный анализ произведений писателя. По мнению автора, образ Америки наиболее ярко раскрыт в романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы». В романе «Преступление и наказание» Америка прежде всего появляется как место, куда можно убежать от наказания. Америка – это радикальный альтернативный выбор, на ее территории перестают действовать и законы права, и законы морали, здесь можно оставить в стороне укоры совести, окончательно отодвинуть все пережитые трагедии в прошлое и начать жизнь как бы с начала. Изучая умонастроения России XIX века, автор определяет огромный символический смысл для русских в таких американских ценностях как либерализм, индивидуализм и безграничная свобода, а именно воплощение нового миропорядка, освобожденного от насилия, эксплуатации и зла. Однако автор отмечает негативное отношение самого Достоевского к Америке как слишком материальному и рациональному пространству, не дающему разрешения тем глубоким исканиям свободы и идеала, которые одолевают думающих людей. Образ Америки, как констатирует автор, нужен Достоевскому для размышления о разных формах отрицания веры и социального утопизма, она выступает в качестве негативного «идеала чисто материальной жизни, жизни в духовной пустоте, не дающей ни единой возможности обрести веру и подлинную жизнь.

Автор в исследовании детально анализирует работы Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Социализм и христианство» и приходит к выводу, что через Швейцарию писатель обращается к отношениям между человеком и природой, рождающей человека и близкой к райскому, духовному миру.

Проведя исследование, автор представляет выводы по изученным материалам, отмечая, что Достоевский создает образы «Швейцарии» и «Америки», чтобы показать, что Бога можно обрести не в каком-то чужом месте, а только на родине, так как русской дух должен найти свой собственный национальный путь, который, возможно, со временем станет путем в благое будущее для всей цивилизации.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение выражения философской и духовной позиции автора в своих произведениях представляет несомненный теоретический и практический культурологический и искусствоведческий интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 18 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.